

УДК 332.05

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ КАК ДРАЙВЕР РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

© 2015 г. А. Н. Кузьминов, А. И. Хазуев

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

В статье рассматривается модель развития вертикально интегрированных структур как драйвера неоиндустриального развития. В качестве механизма формирования предлагается инвестиционный межотраслевой перелив капитала, стимулируемый соответствующей региональной промышленной политикой. Предполагается, что благодаря формированию таких структур будут реализованы современные принципы экономической динамики, описываемые в форме «глокализации». На примере Чеченской республики предложено использовать энергетическую отрасль в качестве драйвера развития.

Ключевые слова: постиндустриальное развитие; промышленная политика; глокализация; энергетическая отрасль.

The article discusses the development model of vertically integrated structures of neo-industrial development as a driver; and a mechanism for the formation of the proposed capital's investment intersectoral mobility, stimulated by the appropriate regional industrial policy. It is expected that the establishment of such structures will be a way to implement the modern principles of economic dynamics described as a glocalization phenomenon. By the example of the Chechen Republic it's proposed to use the energy sector as a kind of above said development driver.

Key words: post-industrial development; industrial policy; glocalization; energy-power industry.

В современных экономических условиях РФ, направленных на обеспечение импортозамещения значительного числа закупаемой продукции, большое значение имеет интенсификация предприятий промышленного комплекса, которая очень ограничена сложившимися отраслевыми диспропорциями экономики России, что, по мнению многих ученых, препятствуют поступательному развитию экономики в целом [1; 2].

Отраслевые диспропорции присущи макроэкономике, но наиболее остро проявляются в границах региональных и территориальных образований. Один из основных признаков отраслевых диспропорций территорий проявляется в характере экономической структуры, когда преобладание сельского хозяйства в экономике с устаревшими формами ведения и низкая степень переработки сельско-

хозяйственного сырья, неразвитость инфраструктуры и неблагоприятные природно-климатические условия отражаются на уровне капиталовложений в эти районы.

Фундаментальным отличием причин формирования отраслевых диспропорций от классики понимания закономерностей циклического развития, является перманентная деградация производства и инвестиционной сферы, что проявилось в отсутствии компенсации сокращения производства одних отраслей ростом в других. Как следствие, произошло ухудшение отраслевой структуры экономики, характеризующееся увеличением доли добывающих и перерабатывающих отраслей.

Наихудшая форма проявления указанного кризиса проявляется в деструктуризации, деградации структуры промышленности, сокращение производства наукоемких, малоре-

сурсоемких, энергоэффективных видов продукции.

Интересы групп отраслей представлены — по вошедшим в экономический оборот определениям — соответственно, сырьевым и промышленным капиталом. Сырьевой капитал выступает за дальнейшую либерализацию внешнеэкономической деятельности, отчисление части таможенных пошлин в местные бюджеты, расширение властных полномочий администраций «своих» регионов. Сфера интересов промышленного капитала — усиление протекционистских мер, государственное регулирование цен на энергию и основные материалы, предоставление на льготных условиях государственных кредитов, гарантированные заказы на продукцию для государственных нужд.

Сохранение ситуации, при которой интересы промышленного и сырьевого капитала не только не сближаются, а все более расходятся, приведет к дальнейшей поляризации субъектов Федерации по уровню основных социально-экономических индикаторов. Поэтому данная проблема затрагивает не только инвестиционно-структурную политику, но и все остальные аспекты экономической политики государства, в том числе федеративные отношения.

Как было замечено в процессе обобщения зарубежного опыта, диспропорции проявляются в большей степени в бывших промышленных районах. Причем следует отметить, что, как правило, ранее в таком регионе был относительно высокий накопленный социально-экономический потенциал, также существовала развитая промышленно-техническая и производственная инфраструктура, сеть межрегиональных и внутрирегиональных связей, имелась квалифицированная рабочая сила. Однако отсутствие необходимого механизма саморегуляции экономического развития в дальнейшем приводит к нарушению соразмерности связей воспроизводства типа «производство — потребление», дисбалансу между хозяйственными потребностями и имеющимися ресурсами в регионе, также между отдельными элементами хозяйственного комплекса, что создает возможную угрозу возникновения депрессивного синдрома. Это потенциальная возможность реализуется в полном объеме, в случае воз-

никновения конфликта между сложившейся хозяйственной структурой региона и изменяющейся внешней средой под влиянием НТП, глобализации экономики, экономической интеграции и других процессов.

Отсюда можно сделать вывод о необходимости реализации новой промышленной политики, которая достаточно часто в различных источниках называется реиндустриализацией или неоиндустриализацией и понимается как структурная модернизация экономики, направленная на преодоление указанных диспропорций между добывающими и перерабатывающими отраслями, на стимулирование высокотехнологичного конкретного производства продукции конечного потребления [3].

Указанный подход дает фундаментальную методологическую основу для разработки промышленной политики, направленной на преодоление сложившихся диспропорций и дальнейшего развития. Большой интерес представляет теоретическая конструкция проф. С. Губанова, представляющая указанный процесс формулой «неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция» [4]. Автор подчеркивает концептуальную важность перехода от этапа «замены ручного труда электрифицированным машинным, важнейшей характеристикой этой фазы выступает удельный вес электрифицированных машин и рабочих мест в народном хозяйстве» [5, с. 10] к автоматизации (компьютеризации) производительных сил, их интеграции с цифровыми технологиями. Существенной особенностью неоиндустриализации выступает превращение производительных сил в технотронные, то есть интегрированные по схеме: работник — ЭВМ — автоматизированные средства производства [5].

Указанная модель обладает другим содержательным аспектом, имеющим значение для преодоления отраслевых диспропорций, заключающимся в требовании формирования вертикально интегрированного характера производственных отношений, т. е. вертикальной интеграции экономики. Под вертикальной интеграцией С. Губанов понимает «воспроизводственную интеграцию науки, добывающих и обрабатывающих производств со специализацией на выпуске конкретных видов конечной наукоемкой продукции» [5].

Межотраслевое объединение промышленных предприятий в полный единый воспроизводственный цикл продукта конечного спроса требует достаточного объема материальных ресурсов, которое возникает благодаря оптимальному их распределению в границах добывающих и обрабатывающих переделов, согласно интеграционному функционалу — целевой продуктовой специализации.

Требуется отметить предлагаемый автором закон вертикальной интеграции, который, на наш взгляд, имеет фундаментальное значение и заключается в том, что требуется «нулевая рентабельность всего промежуточного производства» [5, с. 24]. Действительно, в перечисленных условиях извлечение прибыли для добывающих переделов становится деструктивным условием для достижения целей вертикальной интеграции, обеспечению конкурентоспособности и технологичности конечного продукта.

Существующая сегодня ситуация в экономике России, характеризуемая преобладанием «сырьевого капитала над технологическим; разрывом единых технологических цепочек; по переделам, и как следствие обрабатывающие производства остаются без сырья, полуфабрикатов, экспортируемых за рубеж; извлечением максимальной прибыли из промежуточного производства, в результате обрабатывающая; индустрия становится неконкурентоспособной и т. п.» [6], никогда не позволит преодолеть системную и стадиальную отсталость.

Предлагаемый подход получил поддержку таких специалистов, как З. Грандберг [4, с. 38], В. Наймушин [7, с. 130], которые считают необходимыми ускоренную структурную перестройку народного хозяйства, «переход от преимущественно сырьевого производства к производству высокотехнологичных конкурентоспособных продуктов конечного потребления; формирование и расширение сектора современных инновационно-индустриальных отраслей с последующим выходом их продукции на международные стандарты качества и надежности; декриминализация и деbüroкратизация органов государственного, регионального, муниципального и корпоративного управления, подготовка и продвижение управленческих кадров, соот-

ветствующих требованиям и условиям неиндустриальной экономики» [7, с. 130].

Здесь необходимо отметить также повышение значения территориального подхода в теории индустриализации, поскольку феномен упадка старопромышленных регионов в науке привел к отходу от пассивного восприятия ресурсной базы территорий к осознанию возможности создания в них специфических разнообразных ресурсов, в том числе и самих инноваций [8].

В указанном контексте представляет интерес инновационное понимание привлекательности территорий как «глокализация» [9]. Развивая местные предпринимательские структуры, максимально использующие региональные ресурсные и другие преимущества, достигается цель инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности локальных территорий, способствуя интернационализации предпринимательской сети.

Только в условиях регионального рынка и вертикальной интеграции удастся обеспечить гибкость, перманентные инновации, оперативность реакции, оптимизацию ресурсов, рассматриваемые как ключевые элементы указанной конкурентоспособности. «Предприятие, работающее в сети, пользуется преимуществами взаимодополняемости, передавая другим организациям те виды деятельности, которыми оно владеет не в совершенстве» [6].

Следовательно, можно сказать, что одной из основополагающих задач стимулирования указанных процессов является наличие комплексности и сбалансированности в развитии секторов и отраслей региональной экономики, управление которыми должно осуществляться на основе закономерностей и механизмов межотраслевого перелива капитала в форме инвестиций [10].

Общепринятым считается представление межотраслевого перелива капитала как процесса формирования равновесного состояния рынка. Однако также признано отсутствие в нем некоторой идеальной составляющей, то есть объяснение перелива исключительно соображениями максимизации прибыли. Вполне очевидно, что инвестиционный процесс не всегда опирается на исключительно рыночные ориентиры, но и обусловлен массой других факторов, что свидетельствует о не-

обходимости внешнего государственного воздействия, опыт которого имеет определенные исторические предпосылки.

Так, концепция межотраслевого перелива капитала плановой модели управления позволяла концентрировать усилия в необходимых направлениях и на наиболее важных участках отечественного производства, что, несомненно, в указанном контексте являлось несомненным преимуществом, «бриллиантом» которого признан «план ГОЭЛРО». В противовес указанному опыту, существующий инвестиционный кризис, обусловленный инфляционным характером функционирования, привел не только к деградации отдельных отраслей, но и стал причиной углубления региональных диспропорций, особенно ощутимых в республиках СКФО.

Проведя анализ и оценку основных элементов потенциала ресурсного обеспечения, например, Чеченской Республики с позиции уточнения конкурентных преимуществ в экономическом пространстве, можно говорить о том, что указанные ниже объективные факторы дают возможность сформировать в республике конкурентное экономическое пространство, которое может обеспечить достойное и высокое качество жизни населению.

Одним из первых факторов можно назвать выгодное для республики геоэкономическое положение.

Второй фактор, позволяющий сформировать конкурентную экономику субъекта — это природно-ресурсный комплекс, характеризующийся благоприятным климатом, разнообразными сельскохозяйственными землями, значительными запасами минерального сырья (в частности, углеводородами — нефть, газ и т. д.), лесными, гидроэнергетическими, рекреационными и туристическими ресурсами.

Третий фактор связан с возможностью развития конкурентоспособных отраслей и производств, таких как энергетика, нефтегазовая промышленность, отрасли сельского хозяйства.

Четвертый фактор конкурентного положения основывается на человеческом капитале, который характеризуется увеличивающимися трудовыми ресурсами с хорошей половозрастной структурой, растущим уров-

нем образования, традициями к трудовой деятельности.

На наш взгляд, наиболее перспективным направлением формирования вертикально интегрированной системы в республике может стать энергетическая отрасль, обладающая не только высоким потенциалом развития, но и представляющая собой самый распространенный и универсальный ресурс — электроэнергию, снижение стоимости которого может принести дополнительные конкурентные преимущества.

По утверждению Б. Кудрина «электрификация всей страны не состоялась; 2/3 территории России без света и находятся в зоне децентрализованного и автономного энергоснабжения. Это почти 25 млн человек. Более 50 регионов энергодефицитны, ставя собственную и страны энергобезопасность под угрозу (стоимость 1 кВт·ч в глубинке до 100 руб. и выше). Сейчас на село проложено ЛЭП 0,38–110 кВ — 2,3 млн км, в том числе воздушных 6–10 кВ — 1184 тыс. км; 0,38 — 826 тыс. км. Эксплуатируется 500 тыс. ТП 6–35/0,4 кВ. Но нужно по природным ограничениям сечение провода 70 мм², а сечением до 50 мм² ВЛ 6–10 кВ выполнено 25%; 0,38 — 30%. При оптимальной длине ЛЭП 6–10 кВ 8–12 км, фактически более 25 км — 13,3%, более 50 км — 2,2%. Надежность электроснабжения в развитых странах — 7–10 часов перерывов в год, у нас — 70–100 часов. А ведь еще в 1967 г. газета «Правда» писала: «В сельском хозяйстве отключение электроэнергии, например, на животноводческом комплексе или птицефабрике равносильно пожару». В 1980-х годах появились коровники на 5–10 тыс. голов, свиноводники на 50–100 тыс., птицефермы на 100–200 тыс. голов с гибелью молодняка и цыплят даже при минутных отключениях электроэнергии. Качество ее ниже всяких норм. Несимметрия в сетях до 50%, что выводит асинхронные двигатели из строя. Падение напряжения в сельских сетях такое, что отключаются телевизор и холодильник» [11].

Также не выполняется системное требование необходимого разнообразия источников энергии, в том числе за счет уничтожения малых и сохраняющейся тенденции к монополизации в указанной отрасли (планируется

строительство новых крупных источников электроэнергии мощностью 8–10 млн кВт) [12].

Обладающий высокой долей адекватности ценологический анализ свидетельствует о пагубности такого подхода для развития регионов и энергетики. Согласно его, существует абсолютно объективное соотношение распределения регионов по потреблению (10% богатых регионов к 10% бедных не должно превышать 10–15) (фактически — 40%, *прим. авт.*) и распределения крупных и мелких объектов производства электрической энергии как 60/40.

В ближайшее десятилетие на модернизацию российской электроэнергетики ожидается инвестиций в объеме 11,1 трлн руб., часть которых могла бы составить существенный инвестиционный пул для развития малой энергетики.

Сегодня еще существенны запретительные тенденции и тренды, затрудняющие освоение территорий России, которые для формирования полюсов роста должны развивать инфраструктуру, опираясь на полную электрификацию.

Для достижения указанных целей необходимо в промышленной и региональной политике заложить стимулы для модернизации существующих мощностей; способствовать (в том числе и в рамках вертикальной интеграции) взаимодействию потребителей и поставщиков энергии напрямую; придать приоритет реконструкции и модернизации тепловой генерации; сократить объем согласований для инвесторов в области энергетики. Без новой индустриализации страны, без реконструкции ее базовой структуры, прежде всего транспортной, энергетической, информационной, нельзя надеяться на превращение России в процветающую державу.

Таким образом, при поддержке государством предприятий энергетической отрасли будет происходить трансформация технологической базы других отраслей и стимулирование энергоэффективного производства конкурентоспособных продуктов, развитие инновационных технологий, что в свою очередь будет способствовать неоиндустриальному развитию экономики России.

Литература

1. Кузьмин А. А. Структура рынка, размер фирмы и инновационная активность: анализ эмпирических результатов по России. // Н. В. Пахомова, К. К. Рихтер. Экономика отраслевых рынков и политика государства. — М.: Экономика, 2009. — С. 737–748.
2. Гладкова Н. В. Реализация государственной политики в электроэнергетике СКФО: концепции, модели, механизмы: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. — М.: Московский государственный университет пищевых производств, 2014. — 26 с.
3. Бландиер Ж.-П. Реиндустриализация России: насколько пригоден европейский опыт. // Экономист. — 2005. — №5. — С. 35–45.
4. Грандберг З. Неоиндустриальная парадигма и закон вертикальной интеграции. // Экономист. — 2009. — №1. — С. 38–41.
5. Губанов С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России). // Экономист. — 2008. — №9. — С. 3–27.
6. Позднякова Е. А. Развитие сырьевой базы ферросплавного производства: новые тенденции и экономические возможности. // Экономика региона. — 2013. — №1 (33). — С. 167–177.
7. Наймушин В. Г. «Постиндустриальные» иллюзии или системная «неоиндустриализация»: выбор современной России. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2009. — №2 (6). — С. 127–133.
8. Bauman Z. Glocalization and hybridity. // Glocalism: journal of culture, politics and innovation. University of Leeds. — 2013. — №1. — Pp. 12–25.
9. Robertson R. Glocalization: time-space and homogeneity-heterogeneity. [Электронный ресурс] / University of Pittsburgh, World History Center. — Режим доступа: <http://www.worldhistory.pitt.edu/DissWorkshop2011/documents/rolandrobertsonglocalization.pdf>, свободный (12.08.2015).
10. Спиридонова М. Ю. Механизмы межотраслевого перелива капитала в российской экономике: Автореф. дисс. ... канд. экон.

наук. — М.: Институт экономики РАН, 2014. — 18 с.

11. Кудрин Б. И. План ГОЭЛРО, факты, ЧТО делать, ГОРЭЛ. // Не новые новости: будни неприятия ценологии. Неценологическая обыденность, или к чему мы идем? —

Вып. 52. «Ценологические исследования». — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Технетика, 2014. — С. 18–38.

12. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. — М.: ГУ ИЭС. — 180 с.

Поступила в редакцию

7 августа 2015 г.

Александр Николаевич Кузьминов — доктор экономических наук, профессор кафедры управления человеческими ресурсами Южного федерального университета. Автор трудов в области ценологических исследований крупномасштабных социально-экономических систем, оптимизации и совершенствования структуры производственных систем.

Aleksandr Nikolaevich Kouzminov — Ph.D., Doctor of Economics, professor of the Southern Federal University's Human Resource Management department. Author's of numerous works, which are dedicated to cenological researches of large-scale social and economic systems, optimization and perfecting of production systems' structures.

344000, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42
105/42 Bolshaya Sadovaya st., 344000, Rostov-na-Donu, Russia
Тел.: +7 863 227 16 12; e-mail: akuzmniov@sfnedu.ru

Ахмед Ибрагимович Хазуев — соискатель кафедры управления человеческими ресурсами Южного федерального университета.

Akhmed Ibragimovich Hazuev — competitor for Candidtae's degree at the Southern Federal University's Human Resource Management department.

344000, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42
105/42 Bolshaya Sadovaya st., 344000, Rostov-na-Donu, Russia
Тел.: +7 863 227 16 12; e-mail: docent2@inbox.ru